

ВІД ПРОФЕСОРІВ АНГЛІЙСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ
ІМ. ВІЛЛАФРІДА СІДДІЛІНГЕНА ОПИЩОЮТЬ ВІД РІЗНИХ СІДДІЛІНГЕНОВ
ІМІЇ СІДДІЛІНГЕНА, ІМІЇ СІДДІЛІНГЕНА, ІМІЇ СІДДІЛІНГЕНОВ

ІМІЇ СІДДІЛІНГЕНА

Отвѣтъ г. рецензенту „Русской Мысли“.

Въ февральской книжкѣ „Русской Мысли“ въ „библіографическомъ отдѣлѣ“ помѣщена на ту же мою книжку рецензія совсѣмъ иного, болѣе ядовитаго характера, чѣмъ рецензія г. Мокіевскаго. Вообще я ничего не имѣю противъ *псевдонима* и *анонима*; иногда прибѣгать къ нимъ заставляютъ писателя самыя серьезныя и вполнѣ извинительныя побужденія. Но во всемъ должна быть мѣра. Есть случаи, и есть литературныя произведенія, где анонимъ долженъ быть или совсѣмъ, или почти устраниенъ; такой случай представляетъ критика и рецензія научныхъ и художественныхъ произведеній. Въ этомъ случаѣ не только для большинства публики, вовсе не обладающей энциклопедическими и специальными познаніями, но даже и для специалистовъ, знающихъ одну отрасль науки, но мало свѣдущихъ въ другихъ, одной изъ самыхъ важныхъ гарантій компетентности критической оцѣнки того или другого произведенія можетъ быть только *имя* ученаго или писателя, пишущаго критику. Но когда пишутъ о всѣхъ отрасляхъ знанія и безапелляціонно судятъ и рядятъ *de omni re scibili et quibusdam aliis* неизвѣстные анонимы, то такое явленіе въ литературѣ едва ли можетъ быть оправдано и едва ли можетъ служить цѣлямъ настоящаго общественнаго просвѣщенія и образования.

Но, не смотря на анонимъ, по нѣкоторымъ пріемамъ и слѣдамъ знакомаго остроумія, кажется, я не опибаюсь, видя въ авторѣ рецензіи самого „научнаго“ философа. Главная цѣль этой рецензіи не доказать, а *внушить* читателю, или, пожалуй, *уловить* его, что де книгу г. Козлова читать не стоять, потому что это „стародавняя, нѣсколько уже прискутившая пѣсня“. Дѣлая свои внушенія, авторъ тщательно избѣгаетъ чего либо, хотя бы имѣющаго отдаленное сходство съ *изложеніемъ содержанія* книги, даже не приводить изъ нея, имѣющихъ какой либо определенный смыслъ выписокъ. Если и сдѣланы коротенькия выписки, то только для того, чтобы этою краткостью, безвязностью и отрывочностью дать *кажущееся подтвержденіе* внушеніямъ и инсинуаціямъ критика. Представлю два, три примѣрчика этихъ внушеній:

Какъ уже сказано было въ предыдущей статьѣ, я имѣль въ виду составить курсъ по исторіи философіи, если не всей, то хотя древней. Очень возможно, что вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, я не смогу выполнить этого предприятия. Имѣя это въ виду, я желалъ бы оградить себя отъ всякихъ упрековъ въ не выполненіи своего предположенія, а потому и далъ своему сочиненію название курса, а „Очерковъ изъ исторіи философіи“.

Затѣмъ къ этому общему заглавію я счелъ нужнымъ присоединить *подзаглавіе*, которымъ я хочу только сказать публикѣ о томъ, что я въ данную минуту ей предлагаю. Дѣлаю я это для того, чтобы она ни подъ какимъ видомъ не заблуждалась, непремѣнно разсчитывая на продолженіе этого курса, отъ котораго я, впрочемъ, совсѣмъ не отказываюсь. Будетъ у меня возможность, силы и время, я начну обрабатывать исторію греческой философіи цѣлой, или по периодамъ; во всякомъ случаѣ эти отдельныя части не будутъ имѣть такой необходимой связи, чтобы нельзѧ было пользоваться одной безъ пользованія другой. Кажется, ясно, что все высказанное сейчасъ обѣненіе не есть выраженіе какого нибудь внутренняго плана сочиненія, плана, соотвѣтствующаго принципу

памъ науки вообще или исторії философії спеціально. Но остановиться на такомъ простомъ смыслѣ моего объясненія, высказанаго въ предисловій „Очерковъ“, вовсе не соотвѣтствовало цѣлымъ моего рецензента, ибо тогда нельзѧ было бы разыгрывать внушеній и намековъ на отсталость, пустословіе, ненаучность и т. под. качества какъ автора „Очерковъ“, такъ и самихъ „Очерковъ“¹⁾. Г. рецензенту надо было словамъ: *связь*, *планъ*, придать значеніе не виѣшней связи издаваемыхъ книжекъ или выпусковъ, а внутренней связи, истекающей изъ научныхъ *началъ* и логическихъ *принциповъ*. Ему нужно было, играя на этомъ словечкѣ: „связь“, удивляться, что „одно заглавіе указываетъ на связь частей предполагаемой исторіи философіи, а другое на отсутствіе этой связи“; ему нужно было съ ужасомъ спрашивать, что „если связь будетъ“, то неужели она „проявится въ единствѣ только общаго заглавія“ (стр. 68). Какія громкія слова и какая остроумная иронія! Но сейчасъ же окажется, что эти *громкія* слова суть дутыя слова.

„Не сказавъ ни слова, продолжаетъ г. рецензентъ, о связующемъ принципѣ, авторъ (т. е. я, Козловъ) все таки полагаетъ, что онъ ознакомилъ читателя съ планомъ своего сочиненія; пожалуй, но планъ этого-плана издательскій; авторскаго плана нѣтъ здѣсь и слѣда“.

Совершенно *отрно* изволили сообразить, г. рецензентъ; планъ, о которомъ сказано было мною въ предисловіи былъ именно „планъ издательскій“, о чемъ, въ большинствѣ случаевъ, и повѣствуется въ предисловіяхъ. О какомъ то „планѣ авторскомъ“ я и не думалъ, ибо не постигаю, что за штука такая спеціально „планъ авторскій“! Значитъ совершенно напрасно г. рецензентъ вздувалъ *мыльный пузырь* изъ громкихъ словъ: „авторскій планъ, связь, связующій принципъ“, и совершенно по пусту утомлялъ лег-

¹⁾ Я опять покорнѣйше прошу моихъ читателей, если имъ возможно, пропрѣтъ мои слова рецензію „Русской Мысли“.

кія передовысь подростковъ, которые сильно волновались отъ специально для нихъ избрѣтеннаго и выработаннаго остроумія.

Что же касается до связующихъ принциповъ, общелогическихъ и специально относящихъ къ исторіи философіи, то они были несомнѣнно высказаны мною, хотя и безъ означенія того посредствомъ особыхъ ярлычковъ и надписей и, по мѣрѣ моихъ силъ, проведены даже въ этой маленькой книжкѣ и будутъ проведены также и въ другихъ книжкахъ, если я ихъ составлю. Такимъ принципомъ, напримѣръ, можетъ служить хоть та мысль, что всякая философская система заключаетъ въ себѣ *три* неразрывно соединенные элемента: 1) о дознаніи сущаго (теорія познанія), 2) о мірѣ какъ сущемъ, въ его цѣломъ (метафизика) и 3) о долженствующемъ быть (этика). Указанія на эти три элемента сдѣланы мною и при изложеніи весьма непыработанной китайской философіи, и при изложеніи болѣе выработанныхъ индусскихъ міроздозерцаній. Сказано также и объ относительномъ значеніи и преобладаніи другъ надъ другомъ этихъ трехъ сторонъ въ изложенныхъ системахъ философіи. Если я буду излагать исторію греческой философіи, то и тамъ читатель найдетъ проведеннымъ какъ этотъ, такъ и другие принципы. Но г. рецензентъ „Русской Мысли“ вмѣсто того, чтобы искать „руководящихъ принциповъ“ научнаго изложенія въ самомъ ихъ осуществленіи, т. е., въ этомъ изложеніи, искалъ какихъ-то ярлычковъ и надписей надъ какимъ-то „авторскимъ плафономъ“. Впрочемъ, едва ли онъ искалъ чего нибудь, кромѣ *причины* для вышеозначенныхъ внушеній своимъ читателямъ!

Затѣмъ я оставляю безъ всякаго разсмотрѣнія г. рецензента, что я остаюсь „при стародавнемъ понятіи философіи“, что „я дѣлю ея содержаніе между метафизическій, теоріей познанія и этикой и не могу это содержаніе къ какому нибудь высшему обобщенію¹⁾“, что я „не обратилъ вниманія на разли-

¹⁾ Я не дѣлю содержанія философіи, по моему, составляющаго неразрывное единство, на три части: теорію познанія, метафизику и

чіє¹⁾ въ опредѣленіяхъ понятія познанія“, что я будто бы „въ Вундтѣ ишу себѣ неподходящаго союзника“ и т. под.²⁾). Всѣ эти голословныя внушенія и искаженія моей мысли не могутъ подлежать здѣсь разсмотрѣнію, потому что въ нихъ затрагиваются самые основные вопросы философіи, а также и главные пункты моего несогласія съ яко бы „научной“ философіей и г. научнымъ рецензентомъ³⁾.

этику, но называю этими именами различныя стороны философіи, которые сопринаадлежны и взаимно проникаютъ и поддерживаетъ другъ друга и составляютъ цѣлую систему. Поэтому, теорія познанія и этика никогда не могутъ быть независимыи и самостоятельными науками, какъ думаетъ о нихъ г. научный философъ. Что же касается до какого то сведенія „содержанія философіи“ къ какому то „вышему обобщенію“, то я не понимаю, что хочетъ этимъ сказать г. научный философъ и желаль-бы посмотретьъ, какъ онъ совершаєтъ искомое высшее обобщеніе.

1) Не знаю, зачѣмъ нужно было обратить вниманіе на это различіе, по г. научному рецензенту; самъ же я думаю, что, изучая въ исторіи философіи различныя опредѣленія, данныя философами понятію познанія, достаточно, по моимъ силамъ, изслѣдоватъ, сравнилъ и оцѣнилъ эти различія.

2) Въ Вундтѣ я вовсе не искалъ себѣ союзника, а только желалъ мнѣніемъ этого авторитетнаго ученаго подкрѣпить свою мысль о томъ, что *всѣ частныя науки неизбѣжно указываютъ на философію и приводятъ къ ней.* Затѣмъ, если г. научному философу хочется взять Вундта въ свое исключительное обладаніе и не дать намъ, метафизикамъ, ни одного волоска съ головы Вундта, то я, во избѣженіе распри и спора, охотно уступаю Вундта ненасытному „научному“ аппетиту г. рецензента.

3) По поводу этихъ основныхъ вопросовъ о философіи, ея направленіяхъ и методахъ и проч., я хотя и не въ систематическомъ, специально посвященномъ этому предмету, трудѣ, но однако не разъ высказывался болѣе или менѣе обстоятельно во многихъ моихъ сочиненіяхъ,

Наконецъ, мнѣ остается немножко разверстаться съ г. рецензентомъ по поводу еще одного внушенія, пущеннаго имъ на стр. 70-й. „О философіи восточной“, говоритъ онъ, „мы распро страняться не станемъ; замѣтимъ только, что мы очень сочувственно относимся къ мысли автора — включить ее въ исторію философіи. Очень желательно, чтобы восточная философія и впредь не исключалась изъ курсовъ. При знакомствѣ съ англійскимъ языкомъ она можетъ быть обработана гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ это сделано у г. Козлова, а при иной точкѣ зрѣнія, окажется, конечно и гораздо поучительнѣе“.

Допуская, что утвержденіе о моемъ незнакомствѣ съ англійскимъ языкомъ справедливо, я рѣшительно не могу понять, какая необходимость въ англійскомъ языкѣ для общаго курса по исторіи философіи въ томъ объемѣ, въ какомъ является начало этого курса въ „Очеркахъ“. Скажутъ, что необходимость эта обусловливается тѣмъ, что европейскіе изслѣдователи литературы китайской и санскритской были по преимуществу англичане. Преимущественно такъ, но далеко не исключительно; не мало знаменитыхъ изслѣдователей этихъ литератур между нѣмцами и французами. Конечно, для спеціального сочиненія по исторіи восточной философіи Китая или Индіи и даже по исторіи одной какой нибудь системы, напр. вѣданты, буддизма, конфуціанизма, было бы необходимо знаціе не только англійскаго, но даже санскритскаго или китайскаго языковъ. Но для самаго обыкновеннаго курса ни то, ни другое вовсе не необходимо.

а именно: въ „Философскихъ этюдахъ“ не только въ 1-й ч. (СПБ. 1876), но даже и во 2-й (Кievъ. 1880 г.), а также весьма подробно въ полемическомъ сочиненіи: „Философія, какъ наука“ (Кievъ. 1877 г.), или въ сочиненіи: „Философія дѣйствительности“ (Кievъ. 1878 г.). Да-льѣ высказывался въ полемическихъ моихъ статьяхъ противъ Н. Я. Грота, въ „Генезисѣ теоріи пространства и времени Канта“ (Кievъ. 1884 г.), въ „Философскомъ трехмѣсячнике за 1886 г.“.

Мнѣ для моей цѣли нужно было получить самое общее, но *точное* понятіе объ основныхъ положеніяхъ буддизма, вѣданты или конфуцизма, о времени ихъ возникновенія и послѣдующаго ихъ развитія и объ оцѣнкѣ ихъ значенія въ области философской мысли вообще. Для этого мнѣ нужно было прежде всего имѣть вообще знанія по философіи и по исторіи философії, потомъ знанія по исторіи и далѣе имѣть, что называется, достаточную степень умственного и научного развитія. Затѣмъ, мнѣ нужно было въ моемъ дѣлѣ руководиться нѣсколькими извѣстными *общими курсами* по исторіи философії¹⁾. Наконецъ, мнѣ нужно было ознакомиться съ хорошими новыми учеными сочиненіями, принадлежащими извѣстнымъ ученымъ специалистамъ и касающимся философіи восточной. Все это я и исполнилъ.

На стр. 25-й и 26-й, а также на стр. 65-й указано мною болѣе 20 имёнъ писателей специалистовъ и ихъ сочиненій, которые были моими руководителями специально по исторіи восточной философіи и между ними есть такія извѣстныя имена, какъ Макса Мюллера, Дармштетера, Поля Ренъо, Бюрнуфа, Васильева, Ольденберга, Дѣйссена, Потье, Бартелеми—С. Илера, Керна, Барта. Даже г. Лесевичъ съ его списками былъ моимъ руководителемъ, какъ значится на стр. 65-й. Конечно, г. научный рецензентъ можетъ сказать: „вѣдь это очень немного сравнительно съ тѣмъ, что существуетъ и что можно было бы изучить и прочесть“. Не спорю, что немного, но совѣсть моя покойна въ томъ, что это немногое только и было мнѣ доступно и что я, обыкновенный смертный, не имѣть ни силъ, ни средствъ, ни времени изучить все или много больше того, что я изучилъ. Затѣмъ, совѣсть моя покойна еще и въ томъ, что приведенныя немногія имена и сочиненія были дѣйствительно прочтены мною, а не указаны только въ спискахъ и ссылкахъ, какъ это иногда бываетъ, и что поэтому я въ каждой

¹⁾ Эти руководящіе „общіе курсы“ я обозначилъ въ предисловіи „Очерковъ“.

фразѣ, написанной мною въ моихъ Очеркахъ[«] могу дать *подробный отчетъ* и указать ея основанія.

Что вѣтъ необходимости для обыкновенного курса по истории философіи обрабатывать главу о восточной философіи непремѣнно по англійскимъ источникамъ (впрочемъ, почему Максъ Мюллеръ, напр., не англійскій источникъ?) доказываетъ примѣръ Фуллье, которымъ по исторіи китайской и индійской философіи не приведено, кромѣ Макса Мюллера, никакихъ другихъ англійскихъ источниковъ, а изъ приведенныхъ въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ у меня, нѣкоторые тѣжѣ, что и у меня¹⁾

И такъ дѣло не въ знакомствѣ съ англійскимъ языкомъ, а въ выполненіи моей задачи, т. е., въ основательной *обработкѣ* и разумномъ *приспособленіи* къ требованіямъ курса по исторіи философіи данныхъ, взятыхъ мною, хотя и не у англійскихъ, но у несомнѣнно *компетентныхъ* и *общепризнанныхъ* французскихъ, нѣмецкихъ и даже русскихъ ученыхъ! Основательно ли сдѣлана мной эта обработка данныхъ и разумно ли я ихъ *приспособилъ*? Вотъ, въ чёмъ вопросъ, интересный и для меня, и для русскихъ читателей, имѣвшихъ несчастіе взять въ руки мою книжку до знакомства съ рецензіей г. научнаго критика? Я ни на одну минуту не сомнѣваюсь, что въ обработкѣ вышеозначенныхъ данныхъ есть *много* недостатковъ, которые могли бы быть избѣгнуты другимъ, способнѣйшимъ меня, составителемъ курса при тѣхъ же источникахъ. Несомнѣнно также и то, что я бы эти недостатки не допустилъ, или исправилъ, если бы я ихъ зналъ. Конечно, ихъ могла

¹⁾ Да не подумаетъ читатель, что я своею ссылкою на Фуллье хочу какъ либо поставить себя на одну доску съ этимъ ученымъ, пользующимся европейскою известностью. Я только хочу сказать моему рецензенту, что слѣдовать примѣру Фуллье въ способѣ обработки курса по исторіи философіи мнѣ, скромному работнику на томъ же поприщѣ, и Богъ велѣлъ.

бы мнѣ указать и критика, но не такая критика, которую производить г. „научный“ рецензентъ. Если бы г. Козловъ былъ знакомъ съ англійскимъ языкомъ, то восточная философія, внушаетъ г. рецензентъ, „могла бы быть обработана гораздо обстоятельнѣе“, но больше ни слова! Чему могу я научиться изъ подобной критики, въ чемъ моя необстоятельность и чѣмъ бы мнѣ помогъ англійскій языкъ?! На все это нѣтъ отвѣта!

„А при иной точкѣ зрењія“, внушаетъ далѣе мой критикъ, очеркъ восточной философіи г. Козлова былъ бы „гораздо поучительнѣе“. Опять не знаю, какъ я долженъ быть измѣнить свою точку зрењія, чтобы моя очеркъ стала поучительнѣе! Есть у меня подозрѣніе, что, можетъ быть, для поучительности мнѣ слѣдовало, подъ вліяніемъ одного изъ моихъ руководителей, при разсмотрѣніи восточной философіи, *пришипшить* какъ либо *психіатрію* и въ продуктахъ индійской философской мысли усмотрѣть какія либо „психическія или псевдо-галлюцинаціи“, но... но, къ сожалѣнію, для меня во первыхъ, понятіе „психической или псевдо-галлюцинаціи“ представляется *неудобомыслимымъ*, а во вторыхъ это, вѣдь, только одно подозрѣніе! Г. „научный“ рецензентъ вовсе не говоритъ прямо, что для большей поучительности моей статьи объ восточной философіи нужно было стать на точку зрењія „психической или псевдо-галлюцинаціи“.

Я окончилъ свое объясненіе съ г. рецензентомъ „Русской Мысли“. Не могу сказать, что у меня есть охота еще разъ встрѣтиться съ нимъ, но, если въ темномъ лонѣ будущаго уже есть такое печальное событие, то, надѣюсь, встрѣчу его безъ страха и трепета.

А. Козловъ.